

К ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ БОНАПАРТИСТСКОМУ РЕЖИМУ

Б. Гэно

Историография темы военной оппозиции бонапартистскому режиму, сводится, в основном, к нескольким статьям и книгам, которые вышли уже достаточно давно, но до сих пор считаются исчерпывающими. В большинстве учебников воспроизводятся положения работы Поля Гафареля, некогда опубликованной в журнале *La Révolution française*. Ее автор первым указал причину того, почему изучение данной формы оппозиции так мало привлекает историков: «может показаться парадоксом говорить об оппозиции Бонапарту в армии, поскольку считается, что армия все время была послушным инструментом в консульских или императорских руках»¹. Исследователь сосредотачивает свое внимание преимущественно на личной фронде некоторых военачальников, в частности Бернадота и Моро, на их недовольстве коллегой, сумевшим преодолеть рамки неписанных правил, регулировавших при Директории отношения между военными грандами и гражданской властью. Когда Бернадот командовал Западной армией, там имел место знаменитый «заговор пасквилянтов», в который оказались замешаны офицеры штаба армии. Тем не менее, сам генерал был слишком благоразумен, чтобы осмелиться тогда на открытую оппозицию: это был «военный заговор» без малейших попыток перевести его в практическую плоскость; оппозиционность ограничивалась частными разговорами, о которых доложили доносчики. Как заметил автор указанной статьи, «точнее говорить не собственно об оппозиции, а только об оппозиционных настроениях военных по отношению к Бонапарту»².

Так, многие офицеры высказывали недовольство заключением конкордата: генерал Дельма спрашивал, например, стоило ли жертвовать десятками тысяч жизней, чтобы придти к такому фарсу. Подобные бунтарские высказывания звучали, в основном, среди высших офицеров.

Бернар Гэно, профессор университета Париж 1 (Сорбонна-Пантеон).

¹ *Gaffarel P. L'opposition militaire sous le Consulat // La Révolution française. 1887. № 12. P. 865.*

² *Ibid. P. 1100.*

Что же касается настроений рядового состава, то они не получили достаточного отражения в архивных источниках. Гафарель, правда, упоминает о бунте в Турине 1-го артиллерийского полка, события столь же важном, сколь и исключительном, но причины происшедшего там остаются до сих пор неясными, и до проведения специального исследования мы не вправе рассматривать этот бунт как проявление оппозиции. Нам также трудно судить о том, что, действительно, думали солдаты и тогда, когда их офицеры выказывали единодушную поддержку пожизненному Консулату и установлению наследственной власти, и тогда, когда Мале, военный комендант департамента Шаранта, отказался украшать праздничными флагами Ангулем в честь провозглашения Империи. Если сравнить то, как бурлила армия в первые годы Революции, с ее поведением, согласно ряду свидетельств, во время голосования по Конституции 1793 г., можно в полной мере оценить – что сделал в своем исследовании Жан-Поль Берто³ – эффективность установленного над нею контроля со стороны офицерского состава.

В блестящей обобщающей работе Луи де Вильфосса и Жанин Буисунуз об оппозиции Наполеону также упоминается о широко распространившемся в период заключения конкордата недовольстве, а колониальная экспедиция под командованием Леклерка (ею сначала должен был командовать Бернарот), организованная в конце 1801 г. для восстановления на Сан-Доминго власти метрополии и прежних рабовладельческих порядков, трактуется как отвлекающий маневр, как способ избавиться от возможных участников зреющей оппозиции. Однако авторы излишне поспешно утверждают, что экспедиционный корпус состоял почти полностью из солдат Рейнской армии, которые при Директории и в начале Консулата находились, в основном, под командованием Моро⁴. Эта, часто повторяемая гипотеза, была существенно уточнена новейшими работами об экспедиции Леклерка:

«Если десять из двадцати полубригад, направленных на Сан-Доминго, действительно входили в Рейнскую армию, то лишь три из них непосредственно находились под командованием Моро. Тем не менее, необходимо констатировать, что, помимо 79-й, которая участвовала в перевороте 18 брюмера, все остальные полубригады ранее подчинялись генералам, более или менее враждебным по отношению к Бонапарту»⁵.

³ *Bertaud J.-P.* La Révolution armée. Les soldats-citoyens et la révolution française. P., 1979. Pt. 3. P. 267-334.

⁴ *Villefosse L., de ; Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. P., 1969.

⁵ *Gainot B. ; Mace M.* Fin de campagne à Saint-Domingue ; novembre 1802 – novembre 1803 // *Outre-mers. Revue d'histoire.* 2003. Numéro spécial : Haïti, première république noire. P. 15-40.

Заключенный в марте 1802 г. Амьенский мир дал повод осуществить реорганизацию штабов, позволившую удалить, переместить или уволить с действительной воинской службы множество тех офицеров, которые либо без энтузиазма воспринимали эволюцию режима от пожизненного Консулата к наследственной власти, либо не хотели мириться с социальной моделью общества нотаблей, противоречившей настроениям определенных военных кругов, широко проникшихся в революционную эпоху эгалитарными ценностями. До сих пор у нас нет никакого обобщающего исследования об этой чистке.

Если по стране в целом после брюмерианского переворота многие сторонники бонапартистского режима по-прежнему рассматривали его как средство примирения принципа порядка с народным энтузиазмом, позволяющее покончить с хаосом и бессилием директорианской республики, то в армии оппозиция режиму была наиболее заметна именно в первые годы его существования – до 1802 г. Вопреки возникшему позднее и широко распространившемуся клише, режим Консулата отнюдь не строился на консенсусе. Неопределенность политической ориентации новой власти, которой к тому же явно не хватало легитимности, создавала благоприятную атмосферу для возникновения слухов, скрытого недовольства и словесной фронды. Вот что писал об этом генерал Пюже-Барбантан, пересекший Францию во фрюктидоре IX года (июль 1801 г.): «Я тут же отправился к Фуше, являвшемуся тогда министром полиции, и сообщил ему, что по пути только и слышал разговоры о возможных покушениях на жизнь Бонапарта»⁶. В результате, бонапартистский режим должен был держать армию под неусыпным контролем, поскольку не мог превратить это порождение революционного подъема в тот проникнутый дисциплиной и иерархией институт, который хотелось бы иметь создателю административной монархии.

Формы и проявления военной оппозиции были довольно разнообразными. Мы здесь рассмотрим лишь наиболее структурированные и постоянные из них – те, что были связаны с заговорами. Кроме того, мы исследуем парадокс, впервые отмеченный Гафарелем, а именно – возможность существования военной оппозиции режиму, который часто определяют как «военная диктатура». Это заставит нас обратиться к вопросу о природе режима Консулата в целом и к попыткам ее охарактеризовать при помощи понятия *цезаризм*.

⁶ Mémoires du lieutenant-général Puget-Barbantane, publiés par lui-même. P., 1827. P. 218.

Тайные общества в армии

Историкам приходится проявлять немалую осторожность, избирая в качестве объекта исследования чью-либо конспиративную деятельность, особенно в период революции. В такие времена разные партии постоянно ссылаются на заговоры всех мастей, чтобы скомпрометировать своих соперников. Наиболее широкую известность в историографии получил «масонский заговор», «изобличенный» в 1799 г. аббатом Баррюэлем как причина происхождения и развития Революции. Данная тема активно обсуждалась контрреволюционными мыслителями на протяжении всего XIX в., а в конце столетия и затем в XX в. получила новую жизнь, благодаря Огюстену Кошену, поднявшему вопрос о роли «интеллектуальных обществ» (*sociétés de pensée*) в подготовке Революции, а затем – Франсуа Фюре, который представил якобинские клубы в качестве «машины», формировавшей идеологическое единомыслие⁷. Сегодня эта гипотеза активно критикуется, особенно теми историками, которые занимались в последнее время подробными коллективными исследованиями политических обществ 1789-1799 гг.⁸

Изучение истории военных заговоров – заговора Мале и др. – тесно сопряжено с анализом достоверности соответствующих источников. Если полиция и считалась по праву «фабрикой заговоров», то из-за этого отнюдь не следует отвергать любое «полицейское дело» как чистую фальсификацию. Свидетельства тех, кто изображал каждого оппозиционера неуравновешенной личностью, маргиналом, «сорви головой» и параноиком⁹, для нас ничуть не более убедительны, чем тех, кто считал гражданское общество периода Директории, а тем более – Консулата и Империи, совершенно деполитизированным, и кого ввели в заблуждение социальные ампулы, принятые участниками тайных обществ, чтобы лучше обманывать бдительность властей: нотабль-филантроп, провинциальный отшельник, удалившийся от дел отставник...¹⁰

⁷ *Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1983 ; *Guenniffey P.* Clubs et sociétés populaires // Dictionnaire critique de la révolution Française / Sous dir. F. Furet et M. Ozouf. P. 492-507.

⁸ *Boutier J. ; Boutry P.* Atlas de la Révolution Française. P., 1992. Fascicule 6: Les sociétés politiques. См. также: *Idem.* Les sociétés politiques en France de 1789 à l'an III; une machine? // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1989. Т. 36. P. 29-67.

⁹ По мнению Анри Гобера, заговорщик это – «человек неуравновешенный, экзальтированный, с дурным характером, ... создающий повсюду, где бы он не появился, недоразумения различного рода». – См.: *Gaubert H.* Conspireurs au temps de Napoléon Ier. P., 1962.

¹⁰ В период Директории таких отшельников изображали из себя Паш и Антонель. – См.: *Gainot B.* Espace public et conjuration sous le Directoire. A propos d'un texte de Jean-Nicolas Pache // Secret et République / Sous dir. B. Gainot et P. Serna. Clermont-Ferrand, 2005 ; *Serna P.* Antonelle, aristocrate révolutionnaire, 1747-1817. P., 1997.

Мы исходим из той гипотезы, что оппозиция всегда была активна и структурирована в различные формы социальности (читательские кружки, масонские ложи, неформальные объединения завсегдаев трактиров и кабаре, частные дискуссионные салоны и т.д.), которые обычно воспринимались бдительными властями как «тайные общества». Есть многочисленные свидетельства существования таких объединений, как, скажем, Общество Филадельфов, стоявшее за обоими заговорами Мале, в 1808 и 1812 гг.

В 1808 г. два главных выразителя взглядов республиканской оппозиции в Сенате Лемар и Базен получили от следившей за ними полиции определение «избранные Народом» (*nommés par le Peuple*):

Такое назначение не могло быть произведено каким-либо из законных собраний, но... люди, известные в Париже как филадельфы, взяли на себя труд предложить указанные кандидатуры Народу, который, благодаря подобным гарантиям, их принял... Филадельфы представляют собою секту, схожую с франкмасонством... В их ряды принимают только после тщательной и всесторонней проверки... В Париже филадельфов не меньше четырех сотен... Они есть и в полках... Все они – республиканцы и, похоже, создали свою организацию, чтобы изменить существующий порядок вещей¹¹.

В 1812 г. другой известный оппозиционер, Буонарроти, живший в Женеве под видом скромного учителя музыки, оказался в самом центре той обширной политической сети, о которой полиция сообщала четверть века ранее. 14 января 1812 г. чрезвычайный комиссар имперского правительства в Женеве, Де Мелен, доложил о существовании тайного общества, занятого подрывной деятельностью под прикрытием местной масонской ложи «Искренних друзей», председателем которой был Филиппо Буонарроти. Последний объединил бывших террористов, принадлежавших к «низшим классам», в эту подпольную ассоциацию, получившую название «Друзей Моро». Они имели пароль «Фила. ш. дель. Д. фия» (*Phila. ch. del. D. phia.*), что побудило Капелля, префекта департамента Леман, назвать их в докладе министру полиции Савари, герцогу де Ровиго, от 20 марта 1812 г. ответвлением Общества Филадельфов:

Не могу представить себе, чтобы Ваша Светлость ранее не слышал об этой ассоциации Филадельфов, о существовании которой во Франции столько говорится в течение уже нескольких лет и которая имеет свою сеть в армии.

¹¹ Archives de la Préfecture de Police de Paris. Aa314.

Префект Капелль без обиняков утверждал, что Филадельфы являются порождением «партии Моро».

Министр полиции Савари, хотя был и раздражен излишне живым воображением префекта, не ставил под сомнение сам факт существования «подобных обществ, известных под именем “Филадельфов”», но полагал, что они появились более 15 лет тому назад, еще во времена Директории:

Это были объединения людей крайних взглядов, схожие с масонскими обществами. В ту пору они были весьма многочисленны и состояли между собою в переписке¹².

Затем последовал спор между министром и префектом – весьма информативный для историка – относительно хронологии внешних проявлений деятельности этих тайных союзов. Согласно Капеллю, движение Филадельфов достигло своего апогея через два-три года после заговора Моро, то есть в 1807-1808 гг., как раз накануне дела Мале.

Существование в период после «Заговора равных» и до заговора Мале 1812 г. множества политических ассоциаций, поддерживавших между собой разнообразные связи, бесспорно. Мы знаем, что подобные общества представляли собою сочетание полулегальных организаций (таких, как масонские ложи или союзы взаимопомощи) с подпольными структурами, имевшими свою программу и символику, сохранение коих в тайне гарантировалось принесением членами общества клятвы и прохождения ими обряда посвящения. Все это так, но... Если тогдашний переход от политической оппозиции к тайным обществам можно сегодня представить себе уже достаточно четко, то гораздо труднее оценить переход от гражданских тайных обществ к военным, разумеется, ежели не отрицать начисто какое-либо существование последних вообще и не считать приписываемое Шарлю Нодье произведение «История тайных обществ в армии»¹³ всего лишь художественным вымыслом.

Вопреки подобной трактовке, ряд сочинений, появившихся на закате Империи и в начале Реставрации, подтверждал наличие тайной организации. Примечательно, что эти работы принадлежали основным действующим лицам «дела Мале» 1808 г., за исключением, конечно, самого Мале, расстрелянного в 1812 г. Наиболее заметным из таких сочинений стала «История тайных обществ в армии», приписываемая Ш. Нодье. Однако в первоначальном издании 1815 г. упоминалось о

¹² Ibid. Lettre du ministre de la Police au préfet du Léman. 23 juin 1812.

¹³ Nodier C. Portraits de la révolution et de l'Empire. P., 1988. T. 2. P. 259-437.

пяти авторах, среди которых, помимо Нодье, фигурировали также два главных фигуранта «дела» 1808 г. Базен и Лемар. Впрочем, годом ранее Лемар уже представил свою версию заговора¹⁴.

«Откровения», изложенные Лемаром в 1814 г. и дополненные в сочинении 1815 г., свидетельствуют о существовании тайного общества Филадельфов.

Никогда заговор не имел столь широких возможностей и никогда не был столь близок к успеху, как 29 мая¹⁵. Несколькими днями ранее в строжайшей тайне прошло общее собрание делегатов, избранных от 48 парижских секций. Граждане из департаментов заполнили Париж. В столице еще были живы воспоминания о том, что произошло 8 дней назад. Негодование, вызванное тогда началом войны против Испании, достигло своего апогея. Повсюду вслух говорили о восстании. И только полиция при этих звуках грома, предвещавших неминуемую бурю, с удивлением озиралась вокруг, пытаясь понять, откуда ждать удара, хотя уже в течение шести месяцев личность Мале была известна более чем тысяче заговорщиков»¹⁶.

В других своих статьях я уже пытался показать, в какой степени сочинение Нодье, учитывая особенности авторской стратегии, на которой сказывались как требования секретности, так и текущая конъюнктура, можно рассматривать в качестве свидетельства о положении оппозиции в Империи весной 1814 г.¹⁷ Остается установить, может ли это свидетельство относиться ко всему периоду 1795-1814 гг., как утверждал Нодье. Большинство историков отрицает это, видя в его рассказе всего лишь «художественный вымысел». Однако историки XIX в. считали иначе, в частности Гафарель. Он не стеснялся использовать сочинение Нодье в качестве источника:

В армии было создано тайное общество, члены которого давали клятву верности республиканским институтам. Они называли себя Филадельфами. Мало что известно об их взглядах и намерениях, поскольку они хранили их в строжайшем секрете, а, будучи схвачены,

¹⁴ *Lemare A. Malet, ou Coup d'œil sur l'origine, les éléments, le but et les moyens des conjurations formées, en 1808 et 1812, par ce général, et autres ennemis de la Tyrannie. P., 1814.*

¹⁵ 29 мая 1808 г. – дата первого «заговора» Мале.

¹⁶ *Lemar A. Op. cit. P. 17.*

¹⁷ *Gainot B. Pratiques politiques et stratégies narratives. Hypothèses de recherche sur les conspirations militaires : la « conspiration Malet » de 1808 // Politix, Economie politique du secret. 2001. № 54. P. 95-117 ; Idem. Réflexions sur une forme politique de transition. A propos de la conspiration Malet de 1808 // La plume et le sabre. Hommages offerts à Jean-Paul Bertaud. P., 2002. P. 513-524.*

вводили полицию в заблуждение ложными признаниями. Шарль Нодье, первый историк Филадельфов, до такой степени запутал, словно забавы ради, свое повествование об их деятельности, что дал повод для обвинений в том, будто он все выдумал и просто сочинил роман о военном заговоре. Филадельфы, однако, существовали и неоднократно доказывали это самыми серьезными деяниями¹⁸.

И далее:

Первый заговор Мале, о котором знал комитет из пяти человек, четверо из которых – гг. Базен, Жендр, Корнель и Лемар – его [Мале] пережили, был бы всего лишь нелепейшей из затей, если бы не предваралялся подготовительной работой в армии и если бы его глава не входил в очень влиятельную организацию, готовую поддержать его по первому сигналу... Г-н Лемар, в начале периода Реставрации посвятивший истории данного предприятия довольно краткую и весьма скудную на сведения брошюру, хранит красноречивое молчание о тех пружинах, которые Мале хотел привести в действие. Либо он [Лемар] ничего об этом не знал, что было бы очень странным для одного из членов повстанческого комитета, человека, которому, Мале, по-видимому, достаточно доверял, либо такое умолчание казалось ему более выгодным по причинам, установить которые сегодня уже не представляется возможным¹⁹.

Центральной фигурой заговора был генерал-адъютант Уде, называвший себя Филопоменом²⁰. Он занимал в подполье такое же место, какое Наполеон в мире официальной политики, – место вершителя судеб:

Филопомен представлял собою единственное связующее звено множества кругов, входивших один в другой, но внешне не соприкасавшихся между собой. Все эти круги состояли из основных действующих лиц тайного заговора, секрет которого был целиком известен только одному человеку²¹.

Разумеется, здесь мы не будем освещать все это предприятие. Отметим лишь, что на примере Уде Нодье проливает свет на деятельность тех офицеров, кто занимал высокие посты, но не имел под своим командованием целой армии, в отличие от Бернадота, Моро,

¹⁸ Gaffarel P. Op. cit. P. 995-996.

¹⁹ Ibid. P. 351.

²⁰ По имени древнегреческого полководца (250-182 до н.э.), возглавлявшего борьбу Ахейского союза против Спарты. Его, по свидетельству Полибия, воспевали как «человека, подарившего Греции славный венец свободы».

²¹ Gaffarel P. Op. cit. P. 292.

Брюна или Ланна. Гафарель, помимо Уде, называет и другие имена: Фурнье, Боксешьямп, Гибаль и Аргу.

Не все принадлежали к *республиканской* оппозиции. Некоторые офицеры позднее заявят, что отстаивали дело роялизма, правда, сделают это уже при Реставрации, что заставляет отнестись к их словам с известной долей осторожности. Таков случай генерала Жана Саразена. Он при Реставрации написал свои «Мемуары» в надежде на реабилитацию, поскольку в 1810 г. перебежал к англичанам. Саразен изобразил себя легитимистом, но как не сделать поправку на дух того времени, когда он писал эти мемуары, если их внимательное и беспристрастное прочтение показывает, что он, находясь с давних пор в оппозиции, состоял при штабе Бернадота и был тесно связан с офицерами, близкими к неоякобинству, такими, как близкий к Шампьоне генерал Бонами?

Впрочем, оставив в стороне случаи отдельных индивидов и их попытки задним числом сформулировать свою политическую программу²², обратимся к вопросу о политическом содержании военной оппозиции в целом.

Характер военной оппозиции

Чтобы понять характер *оппозиции*, важно определить природу *режима*, установленного в брюмере VIII года. Нередко при его характеристике используют понятие «цезаризм», прослеживая в развитии событий после брюмерианского переворота параллель с политическими перипетиями конечного периода существования Римской республики.

Для понимания того, насколько правомерно такое определение, важное значение имеет текст «Параллели между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом», сочиненный Фонтаном и нередко приписываемый Люсьену Бонапарту, ибо тот как министр внутренних дел способствовал его распространению. Автор не ограничился размышлениями по горячим следам о природе только что установленного режима, а предложил сравнительный анализ истории гибели республик.

В 1799-1800 гг. судьба Английской республики XVII в. многим приходила на ум. Среди роялистов большой популярностью пользовалась историческая фигура Монка, который, будучи соратником

²² Лишь в случае с заговором Мале 1812 г. мы обладаем программными документами, захваченными непосредственно на месте. Речь, в частности, идет о некой смешанной программе, которая сочетала в себе республиканские и монархические идеи, предвосхищая антибонапартистскую оппозицию марта-апреля 1814 г. – См.: *Billard M. La conspiration de Malet. P., 1907.*

Кромвеля, открыл путь к реставрации Стюартов. Но Первый консул ясно дал понять вождям шуанов и эмигрантов, что не собирается становиться новым Пишегрю и что реставрация Бурбонов во Франции возможна только ценой многих тысяч жизней.

Искали современники объяснение происходящему и в истории заката Римской республики. А потому автор указанного текста постарался избавить Бонапарта от сравнений с Цезарем:

Ведь Цезарь ослаблял партию наиболее справедливых людей, а Бонапарт стремится сплотить Граждан против партии разбойников; и потому Цезарь и Бонапарт, имеющие сходство как военачальники, различаются как политики...²³

Цезарь возбуждал ярость толпы против *мудрости патрициев*, которая составляет истинный оплот Свободы.

Брут был защитником общественного Порядка от Анархии, Собственности – от Аграрного закона, Народа – от черни. Робеспьер и его приверженцы, объявлявшие себя Брутами, смешали все понятия... Брут выступал против демагогов, а Цезарь был вождем демагогов. Бонапарт стремится сплотить класс собственников и просвещенных людей против черни...²⁴

Если строго следовать логике данного текста, Бонапарт стал оплотом нотаблей против альянса демагогов, *анархистов* (этот термин использовался тогда для обозначения неоякобинцев) и военных.

«Если вас ужасает тирания собраний, то что бы могло вас от нее спасти, если бы не было военной силы?» Этой «военной силой» является ряд непрестанно сражающихся военачальников, которые по своей слабости сделались жестокими. Убитого Цезаря сменили Нерон, Калигула, Клавдий²⁵.

Оставим, однако, в стороне призыв к установлению наследственной власти, который предвосхищает пожизненный Консулат и к которому обычно сводят суть всего этого текста, и обратим внимание на призыв к сплочению нотаблей перед угрозой эгалитарных устремлений армии, надежной защиты от коих Директория, лишившаяся своих наиболее консервативных элементов, предоставить уже не могла.

Таким образом, в ту пору режим открыто отмежевывался от «цезаризма», во-первых, потому что сторонники Бонапарта стремились

²³ *Parralèle entre César, Cromwell, Monck et Bonaparte.* – BNF. Lb (43) 215. P. 10.

²⁴ *Ibid.* P. 11.

²⁵ *Ibid.* P. 14.

доказать, что их героя отнюдь не ожидает печальный конец римского диктатора, во-вторых, потому что страна и так была взбудоражена повсеместными слухами о «тираноубийстве», и в-третьих, потому что новый режим ставил себе целью не сравняться с Римом, а превзойти империю Цезаря. Мы далеки от такой трактовки цезаризма, какую предложил Огюст Ромье накануне установления Второй империи²⁶. Это было страстное обвинение парламентского режима, выдвинутое во имя защиты «вечных движителей общества: веры, правосудия, власти»²⁷. Воля должна быть единой, в ней не могут сочетаться свобода и власть. Соответственно эта безграничная апология цезаризма как торжества силы над буржуазной риторикой предполагала одновременно осуждение *конституционного режима*, претендовавшего на примирение противоположностей: свободы и власти. Надо ли, однако, напоминать, что такие брюмерианцы, как Кабанис или Редерер, трактовали приход к власти Бонапарта именно как подобную попытку примирить противоположности? Обращаясь к античности, автор утверждал, что там цезаризм имел форму Принципата, представлявшего собою не чью-либо единоличную власть, а «творение и общую власть всего римского Народа»²⁸. Персонификация этой власти Цезарем позволяла устранить противоречие между армией, воплощавшей в себе силу народа, и выборными институтами, в которых решающее значение имело ораторское искусство. Рим примирился с собой, сделав своим олицетворением одного человека. Говоря же о «новом Цезаре» [Наполеоне I], автор отмечал, что перед ним стояла задача положить конец «революционной оргии», порожденной «крайностями философии». В этой первой попытке теоретического определения цезаризма, термина, вскоре ставшего синонимом бонапартизма, акцент делался на разрыве режима Первого консула с наследием Просвещения (договорный характер политической власти) и на восстановлении так называемых «естественных» основ человеческого общества, а именно – силы как основы политической власти.

Условием подобной интерпретации является двойная подмена понятий: истоки бонапартистского режима возводятся к политической традиции контрреволюции, а отличительной чертой военных считается признание силы в качестве принципа легитимации власти²⁹.

Однако подобное предположение не соответствует реалиям политической культуры общества конца революционного десятилетия,

²⁶ Romieu A. L'ère des Césars. P., 1850

²⁷ Ibid. P. 13- 14.

²⁸ Ibid. Chap. 3.

²⁹ De Giorgi F. Proposito di concetti storici : bonapartismo e cesarismo // Quederni del bicentenario. Tolentino. 1995. № 1. P. 13-41.

где армия выступала хранителем революционных ценностей. Свойственную ей политическую культуру, широко распространенную и довольно противоречивую, мы можем условно назвать «национально-демократической» (*national-populaire*) здесь же не идёт речь о демократии, как о форме или методах правления, чтобы отличать от официальной республиканской культуры, которую разделяли люди более образованные и которая была довольно элитарной, и от культуры традиционалистской, проникнутой ностальгией по Старому порядку, абсолютно идеализированному и мифологизированному.

В «национально-демократической» культуре образ военного имел разные аспекты. Прежде всего, солдаты изображались храбрыми *защитниками Отечества*, но также – жертвами презрения и неблагодарности гражданского общества, особенно со стороны *нуборишей* и парвеню всех мастей. Подобная трактовка была широко распространена в неоякобинском движении.

Изображение *защитника Отечества* в качестве жертвы сопровождалось требованием предоставить всем таковым обещанную ответственность на миллиард франков, обеспеченную конфискованным имуществом эмигрантов.

Неоякобинская пресса изобиловала историями, изобличающими презрение имущих по отношению к солдатам, проливавшим свою кровь за Родину. Вот, например, один из эпизодов, описанный в газете Бешера и Базена *Le Démocrate*. Два солдата-инвалида ждут парома, чтобы переправиться через Сену напротив Марсова поля. Подходят два депутата с четырьмя женщинами, которые хотят взять паром только для себя. Военные замечают, что они пришли первыми и не собираются ждать. Тем не менее, они предлагают депутатам и их компании ехать на пароме вместе. Последние отказываются, предпочитая ждать следующего парома. Журналист комментирует:

Инвалиды тогда переправились через реку в компании других граждан, которые, хотя и не торгуют средством для обеления воров, предателей и плутов, являются ничуть не менее достойными людьми, чем эти двое уважаемых депутатов³⁰.

Все происходит в августе 1799 г. Законодательный корпус только что объявил, что против свергнутых в июне директоров и министров не будут выдвигаться обвинения, с чем и связан намек на *средство* для обеления преступников. Автор заметки стремился показать, что честность и гражданственность являются достоянием простых людей и

³⁰ *Le démocrate*. № 30. 15 fructidor an VII.

военных, а не тех важных персон, которые считают себя *почтенными людьми*.

Солидарность проявлялась не только на страницах печати. Конституционные кружки организовывали братские банкеты в честь войск, следовавших через их населенные пункты. На заседаниях таких кружков присутствовали военнослужащие гарнизонов. А в Марселе заседания влиятельного Политического Общества города проходили под председательством военного коменданта генерала Кантена.

На более высоком уровне наследники якобинизма и многие военные выступали за принятие мер общественного спасения, которые вызывали воспоминания об эгалитарной республике 1792-1794 гг. и, если бы были приняты, превратили бы Францию в один гигантский военный лагерь.

24 мессидора VII года (12 июля 1799 г.) на заседании Совета пяти-сот Жозеф Эшасерьо призывал к всеобщей мобилизации подобного рода:

Давайте брать пример с Комитета общественного спасения в том, что он сделал хорошего... всего за три месяца вооружил 14 армий. Пусть Директория использует такие же методы; пусть общественные здания превратятся в мастерские для национального производства пороха, который уничтожит, наконец, наших врагов; пусть Республика больше не доверяет столь важного дела поставщикам, а пусть это чрезвычайное производство контролируется и поддерживается специальной администрацией... Французский народ объявлен *вооруженной нацией*. Поэтому каждый гражданин от 16 до 50 лет... должен быть обеспечен оружием для защиты своей свободы от внешних врагов Республики... 10 термидора все французы и все общества, занимающиеся политическими вопросами, должны принести клятву ненависти к объединенным в коалицию врагам, называемую также «клятвой Отечеству». Все лица, внесенные в проскрипционные списки, должны быть помещены под надзор законных властей. Имущество лиц, признанных пособниками врага, должно быть секвестрировано. Надо создать большую книгу, называемую «Анналы Республики», где будут фиксироваться знаменательные военные события. Этой книге следует воздавать почести во время общественных церемоний³¹.

Политическая активность многих офицеров хорошо известна.

Обратимся к началу карьеры генерала Мале в эпоху Директории, поскольку, согласно множеству совпадающих свидетельств, именно в ту пору получили развитие многочисленные тайные общества в армии и

³¹ Le journal des Hommes libres. 26 messidor an VII (14 juillet 1799)

сложился тот альянс между ними и неоякобинской оппозицией, который Бонапарт постарался разрушить в начальный период Консулата. Мале служил в гарнизоне Безансона. Штаб размещенной в городе 6-й дивизии был вовлечен в политическую борьбу, раздиравшую Франш-Конте с самого начала Революции. С ноября 1792 по март 1793 г. пост военного коменданта города занимал Шарль Гесс, офицер-якобинец. Одним из его адъютантов был уроженец тех мест Мале. С тех пор Мале сохранил многочисленные связи с безансонскими неоякобинцами и вполне естественно стал их защитником в 1797-1798 гг., когда им стали угрожать роялисты. В VI году (апреле 1798 г.) Мале был избран в Совет пятисот собранием выборщиков Юры (дом его семьи находился в Арбуа), но его избрание было аннулировано, как и многих других «отъявленных республиканцев» (то есть неоякобинцев).

В документах, предвалявших эту отмену результатов выборов, о нем писали, что «он окружен врагами правительства... Он стал их главой у себя на родине и строит всякие козни... Во время путешествия со своим начальником, генералом Мюллером, он не упускал ни одной возможности для того, чтобы очернить правительство»³².

Тем не менее, Мале сохранил свой пост в Безансоне к огромному негодованию сторонников Директории, снова и снова писавших доносы на него и на двух других генералов, Бержерона и Дюфура: всех их обвиняли в активной поддержке местной группы неоякобинцев. Не тогда ли возникла там первая ячейка сети тайных обществ? Это весьма вероятно, учитывая, что главным руководителем неоякобинцев Безансона был Пьер-Жозеф Биро, который в период Империи создавал организацию карбонариев, перенесенную из Франш-Конте в Неаполитанское королевство. Нодье, также уроженец Безансона, обратил внимание на это совпадение, которое последующие исследователи осветили более подробно³³.

В июне 1799 г. (прериале VII года) Мале был переведен в Гренобль. Город тогда был охвачен политическим брожением, вызванным, с одной стороны, прибытием итальянских изгнанников, которые бежали от репрессий, развернувшихся на Апеннинах по мере продвижения русско-австрийских войск, с другой – процессом над протектором Неаполитанской республики генералом Шампюне, весьма популярным

³² *Suratteau J.R.* Les élections de l'an VI et le coup d'état du 22 floréal an VI – 11 mai 1798. P., 1971. P. 376.

³³ *Dayet M.* Un révolutionnaire franc-comtois, Pierre-Joseph Briot // *Annales littéraires de l'Université de Besançon*. 1960. Vol. 33 ; *Mastroberti F.* Pierre Joseph Briot, un giacobino tra amministrazione e politica (1771-1827). Naples, 1998.

в республиканских кругах и привлеченным к суду военного трибунала³⁴. Защитником Шампоне на процессе был капитан Гийом Форель, оратор влиятельного Конституционного Кружка Гренобля. Среди бумаг, изъятых полицией у Мале в 1808 г., есть письмо Агнесс Колон Валентин Форель, вдовы капитана, погибшего 3 марта 1808 г. в Ливорно. Она упоминает, что ее муж был адъютантом генерала Мале.

Таким образом, существует множество данных для того, чтобы с высокой долей уверенности причислить будущего заговорщика к «политической среде» неоякобинцев, находившихся в оппозиции консервативному республиканизму Директории. Эта среда была весьма озабочена защитой итальянских «патриотов» и, если брать шире, реализацией проекта республиканской и демократической европейской конфедерации³⁵, отголоски которого можно услышать в последующих прокламациях заговорщиков и в сочинении Лемара, писавшего, что целью заговора было «всеевропейское освобождение» и что «от одного конца Европы до другого распространялись план всеобщего освобождения и средства для его осуществления».

Карьера Мале при Консульате стала продолжением его предыдущей деятельности. Назначенный в XII году (1804 г.) в 20-ю дивизию, расположенную в Ангулеме, он вступил в конфликт с префектом Боннером. Биографы Мале обычно считали причиной этого конфликта «неуживчивый характер» и «дурной нрав» своего героя. Но генерал в своем признании Гийому, сделанном в 1808 г., дал указанному конфликту совершенно иное объяснение. Он уверял, что сохранил связи с «несколькими патриотами», которых встретил «четырьмя годами ранее», то есть в 1804 г. В ту пору он организовал в Ангулеме оппозиционную сеть патриотов: «сознательно заводил знакомства с обитателями Ангулема и его окрестностей». Но тогда он еще не догадывался о том, «что замышляется на Западе» (не идет ли речь о военной оппозиции в Западной армии Бернадота?), иначе постарался бы установить соответствующий контакт. В ту пору он полагался «на прессу... где можно было напечатать все необходимое для того, чтобы создать партию и передать инструкции»³⁶. В конце концов, Мале лишился своего поста коменданта, поскольку побуждал личный состав гарнизона голосовать на плебисците против установления Империи³⁷.

³⁴ Gainot B. 1799, un nouveau jacobinisme? La démocratie représentative, une alternative à brumaire. P., 2001.

³⁵ Gainot B. I rapporti franco-italiani nel 1799: tra confederazione democratica e congiura politico-militare // Società e storia. 1997. № 76. P. 345-376.

³⁶ А.Р.Р. Аа 313.

³⁷ Service historique de l'armée de terre. – Vincennes. Dossier Claude-François Malet. 8 Yd g.b. 842.

Этот конфликт между властью гражданской и властью военной имел политическое содержание, что очень часто случалось в эпоху Директории. Проякобински настроенные офицеры считали себя хранителями революционного достояния, наследниками эгалитарных ценностей II года, носителями исторической легитимности, позволявшей им противостоять агентам исполнительной власти, которых они рассматривали как представителей олигархической и коррумпированной республики³⁸, и местным нотаблям, сплотившимся в поддержке брюерианского переворота.

Историография заговоров серьезно пострадала от недоверия со стороны представителей марксистского и структуралистского направлений, не желавших анализировать действия индивида, если те не были предварительно детерминированы какими-либо объективными факторами.

Еще в период подъема структурализма Ричард Кобб критиковал этот социо-экономический детерминизм:

Для нее [полиции] всякий индивид, часто меняющий свой род занятий или одновременно имеющий их несколько, представляется потенциально столь же опасным, как и тот, кто часто меняет свое место пребывания и не имеет постоянной привязки к какому-либо определенному пункту. Подобно историку экономики, она предпочитает неподвижное общество. Видок писал историю живой жизни, каковой и должна быть любая популярная история. Действительно, люди не замрут на месте, чтобы услышать, как профессор Лабрусс и его ученики вносят их в «социальную структуру», где они должны окончательно застыть в неподвижности³⁹.

Именно история тайных обществ отчасти может дать ключ к решению проблемы: каким образом произошел переход от публичного пространства революционной эпохи, которое было наследием века Просвещения и для которого якобинцы классического периода добивались прозрачности, запрещая масонские ложи, литературные общества и вакхические братства как привносящие частный интерес в социальное целое, к столь широкому спектру тайных объединений – от Филадельфов до Филантропических институтов, от религиозных братств до секретных военных обществ? Период Директории имел решающее значение для этой трансформации представлений и практик, которую довольно трудно проследить, поскольку переход не был резким.

³⁸ Gainot B. 1799, un nouveau jacobinisme ?

³⁹ Cobb R. La Protestation populaire en France: 1789-1820. P., 1975. P. 65.

Революционеры первой половины XIX в. (вплоть до Коммуны и даже до буланжизма) были наследниками этой специфической народной культуры, где образ санкюлота смешивался с образом защитника Отечества, а якобинский эгалитаризм – с воинским героизмом. Особенно ярко эта *национально-демократическая* культура проявилась в Бланкизме эпохи Июльской монархии. В качестве примера можно привести выдержку из написанной в форме обращения к рабочим статьи газеты *La Tribune* от 17 августа 1830 г.:

Проявляйте доброту, потому что вы – французы, проявляйте великодушие, потому что вы – победители, но оставайтесь патриотами, ибо именно патриотизму вы обязаны своей победой и своим великодушием. Вы преподали миру великий урок, дали великий пример. Для рода человеческого важно, чтобы ничто не запятнало чистоту вашей славы. Поручкой тому ваше героическое бескорыстие, ваш гуманный героизм. Все это должно навсегда остаться в Истории. Вы сделаете для доброго имени Франции даже больше, чем восхитительные легионы Арколя и блистательные волонтеры Флерюса.

Заключение

Обращение к теме военной оппозиции режиму Наполеона ставит перед историком ряд методологических проблем.

Погружаясь для изучения ее истоков в мир подполья и тайных обществ, он оказывается в зависимости от полицейских архивов, поскольку именно там в основном и находятся необходимые письменные свидетельства. Ему также приходится рассчитывать, правда, с большой долей осторожности (но разве не так следует подходить ко всем источникам вообще?), на рассказы и мемуары современников, достоверность которых, как «литературных конструкций», порою излишне поспешно ставилась под сомнение. Кроме того, ему надо помнить, что подпольные структуры были весьма иерархизированы, и соответственно учитывать, что используемые источники, при всем их разнообразии, дают представление лишь о верхушке огромного айсберга, размеры и направление движения которого остаются ему в целом неизвестны. Помимо иерархической структуры обществ, следует принимать во внимание и армейскую иерархию. За редким исключением, армия никогда открыто не выказывала своих настроений. Монополия старших офицеров выражать ее мнение еще проявлялась в период Директории, но потом, в условиях полицейского режима Империи, уже едва ли.

Следует ли, в конечном счете, признать эту военную оппозицию республиканской? Борьба во Франции между двумя мирами столь резко

ограничила выбор альтернативы, что очень часто дело представлялось так, будто иной оппозиции, кроме роялистской, и быть не могло. Тем не менее, влияние республиканских идей, основы которого были заложены политическим воспитанием в героические времена и которое в дальнейшем поддерживалось политическими прокламациями, еще продолжавшими использовать республиканскую риторику (Бернадот, возглавив военное министерство, резко активизировал ее применение), оставило глубокие следы. Остается выяснить, о какой части республиканского наследия идет речь. О якобинизме? О более широких гражданских представлениях, заставлявших с недоверием относиться к единоличной власти? Или о еще более широком либерализме, способном пойти на определенный компромисс с конституционным монархизмом?

И наконец, необходимо критически проанализировать пласты той историографии, которая пыталась ретроспективно интерпретировать природу бонапартистского режима в понятиях «военной диктатуры» и «цезаризма». В вопросе характеристики режима ключевое значение имеют представления самой эпохи. В частности, следует должным образом оценить ту специфическую пост-революционную политическую культуру, которая глубоко пронизывала общественное сознание последних лет XIX в. Бонапарт пришел к власти как «шпага» нотаблей. Их пугала та смесь эгалитарных чаяний, политического волонтаризма и беспорядочной демократии, олицетворением которой в равной степени выступали политический активист городских предместий и солдат французской армии. Стремясь держать под своим контролем армию и весь тот потенциал недовольства, которое у нее могла вызвать его политика, Первый консул старался также устранить почву для *социального страха* перед «военной анархией».